

И раньше существовала такая традиция: генералы, сражающиеся на внешних фронтах, годами не возвращаются, охраняя границы, защищая дом и страну. Только в особо важные дни они приезжают в столицу пожить несколько дней, а затем возвращаются обратно.

Цзи Цинбай взглянул на депешу и спросил:

— Говорят, генерал Юань Те доблестен и искусен в бою. В битве при горе Бала он отбросил врага на тысячу ли. Правда ли это?

Тань Чжан, казалось, лишь слегка усмехнулся уголками губ и сказал:

— Правда, но заслуга принадлежит не Юань Те.

Цзи Цинбай склонил голову набок, встретившись взглядом с Тань Чжаном.

— Рядом с ним есть военный советник, — взгляд императора был подобен холодной воде, скользнувшей по лицу Цзи Цинбая. Он понизил голос, — как и ты, скорее всего, не человек.

Позднее, когда Цзи Цинбай уже лежал в постели, его ум продолжал перебирать сказанные императором слова.

Император раздвинул полог кровати и, собираясь лечь, увидел, что человек внутри застыл в задумчивости, брови сведены в болезненную гримасу.

Похоже, после того как его личность была раскрыта, Цзи Цинбай сбросил с себя груз. Днём он всё ещё принимал облик Цзи Юй, но ночью, когда посторонних не было, привык возвращаться к своему истинному облику. В конце концов, каждую ночь он спал рядом с Почтенным Буддой, и во сне его божественное море и магическая сила питались, так что это небольшое искусство трансформации не имело значения.

Как упоминалось ранее, внешность Цзи Юй не то что не могла сравниться с небесной красотой, но даже слово «хорошенькая» было бы неуместно. Разве что глаза были довольно выразительными. Но Цзи Цинбай был другим. Хотя он и не мог сравниться с абсолютной красотой Почтенного Будды, в мире смертных он был подобен нефритовому дереву и благоуханной орхидее, чистейшему снегу на горной вершине.

Тань Чжан, опершись головой на нефритовую подушку, смотрел сверху вниз на это лицо.

Наконец Цзи Цинбай перевёл на него взгляд. Его глаза, подобные ивовым листьям, скрывались под длинными ресницами, а внешние уголки глаз были подобны крючкам, щекочущим сердце.

Тань Чжан смотрел на него некоторое время, затем спросил:

— Как тебя зовут по-настоящему?

Цзи Цинбай усмехнулся и сказал:

— Меня и зовут Цзи Юй. Цинбай — это моё второе имя.

Тань Чжан неопределённо кивнул. Он протянул руку, кончики пальцев коснулись надбровной души собеседника, затем опустились ниже и остановились у края губ.

Цзи Цинбай вспомнил о своём предыдущем решении переспать с Тань Чжаном и невольно перевёл взгляд на нижнюю часть тела императора.

Тань Чжан прищурился:

— На что ты смотришь?

Цзи Цинбай не смутился и откровенно спросил:

— Разве Ваше Величество не желает, чтобы я разделил с вами ложе?

Тань Чжан слегка приподнял бровь, его тон был неоднозначным:

— Ты хочешь разделить ложе?

Цзи Цинбай подумал и сказал:

— В принципе, можно... — Он посмотрел на Тань Чжана и вполне серьёзно спросил, — Ваше Величество предпочитает спать с мужчинами или с женщинами?

Тань Чжан:

— ...

Цзи Цинбай не понял, почему император внезапно разгневался. Заднюю часть его шеи вновь мяли и тискали полчаса, и завтра она точно будет сине-фиолетовой.

Цзэн Дэ вошёл, чтобы потушить свечи для будущих императора и императрицы. Цзи Цинбай лежал в полной темноте, глаза были открыты, и какое-то время он не мог заснуть.

Он вспомнил предыдущую военную депешу, не удержался, перевернулся на бок и привалился половиной тела к императору.

— А как зовут того военного советника? — Цзи Цинбай прошептал ему на ухо.

Тань Чжан почувствовал, как его мочка уха согрелась — губы Цзи Цинбая почти коснулись её. Этот человек вообще не понимал, что делал. Едва утихший огонь в мгновение ока снова готов был вспыхнуть.

Император хрипло и холодно спросил:

— Зачем тебе это?

Цзи Цинбай придвинулся ещё ближе:

— Ты же сказал, что он, как и я, не человек. Может, он тоже бессмертный?

Тань Чжан глубоко вздохнул и сказал:

— Нам известно лишь, что его фамилия Мин.

Цзи Цинбай долго думал о бессмертных с фамилией Мин, прежде чем понял, что эта мысль наивна. Сконфуженно он собрался слезть с императора, но вдруг обнаружил, что скован и не может пошевелиться.

Почувствовав, что человек под ним ведёт себя необычно, Цзи Цинбай решил, что у императора снова началась боль огня Инь, и срочно спросил:

— Где болит, Ваше Величество?

Император пробормотал что-то, но Цзи Цинбай не расслышал и засуетился, собираясь применить магию.

— Не дёргайся, — Тань Чжан наконец не выдержал и вздохнул. Он смягчил голос, закрыл глаза и тихо произнёс, — ты у Нас сердце совсем измучил.

То, что император жаловался на боль в сердце, Цзи Цинбай очень хорошо запомнил.

Он даже начал сомневаться: достаточно ли он усердно применяет магию в обычное время? Если они и так целый день неразлучны, почему же у Почтенного Будды всё ещё болит сердце?

Проводив утром Тань Чжана, Цзи Цинбай восстановил облик и фигуру Цзи Юй, сел на кровати со скрещенными ногами и принялся вышивать кисет.

Когда служанка вошла, она подумала, что у неё помутилось в глазах. Ведь госпожа не только была неискусна в вышивке, но и ленилась до чрезвычайности. Такое добровольное рукоделие было подобно цветению железного дерева — даже во сне такое не приснится.

Цзи Цинбай и сам знал, чего он стоит, и с деланной скромностью обратился за советом к служанке.

Он немного вышил, затем снова вспомнил, как прошлой ночью император наотрез отказался переспать с ним, и не смог сдержать тяжёлый вздох.

Он боялся, что у императора действительно проблемы в этой сфере...

С состраданием подумал Цзи Цинбай. Либо же императору не нравится спать с мужчинами.

Но и когда он был Цзи Юй, он не замечал у императора интереса...

Видимо, у императора действительно проблемы.

Цзи Цинбай был абсолютно уверен.

Кисет получался простым, Цзи Цинбай за полдня вышил лишь край. После полудня во дворце внезапно раздался колокол. Цзи Цинбай поднял голову и посмотрел наружу. Служанка рядом с ним тихо сказала:

— Войска вернулись.

Цзи Цинбаю было любопытно узнать о том военном советнике по фамилии Мин, но он не знал, у кого спросить.

Оказалось, что служанка рядом с ним была ходячей энциклопедией:

— Хотя господин Мин всего лишь военный советник, он — истинный стержень нашей южной конницы. Господин Юань Те почитает его как Бессмертного Феникса. Под его началом есть отряд Армии Хуаньюй, способный противостоять тысячам и десяткам тысяч воинов.

Цзи Цинбай размышлял: да это же узурпация военной власти, заслуги, затмевающие правителя!

Однако, судя по отношению служанки, она, похоже, не считала, что господин Мин как-то влияет на Тань Чжана. Неужели у них хорошие отношения?

Вспомнив тон императора прошлой ночью, Цзи Цинбай так не думал. Он чувствовал, что в любом случае ему нужно взглянуть на того. Если тот действительно не человек, то стоит быть настороже, чтобы не повлиять на судьбу Почтенного Будды в этой жизни.

Но женщине из задних покоев увидеть чиновника переднего двора было не так-то просто. Даже когда император вернулся с утренней аудиенции, Цзи Цинбай так и не придумал предлог для встречи.

Тань Чжан ранее уже слышал от Цзэн Дэ, что Цзи Цинбай вышивает кисет. Тот с подобострастным выражением лица, словно ожидая награды, с медовыми речами без умолку болтал:

— Госпожа точно вышивает этот кисет для вас, Ваше Величество. Сегодня я немного подсмотрел — сочетание цветов утки-мандаринки на нём просто восхитительно.

Император посмотрел на него и ничего не сказал.

Цзэн Дэ продолжал сыпать цветистыми фразами, с закрытыми глазами расхваливая:

— Ваше Величество, вы не видели узор! Госпожа подошла к делу очень серьёзно. А вышивка! Ваш слуга, посмотрев, подумал — это же небесное искусство, превращающее простую ткань в парчу!

Видя, что тот заходит всё дальше, Тань Чжан наконец не выдержал и холодно сказал:

— Если твой рот не закрывается, Мы прикажем кому-нибудь его зашить.

Цзэн Дэ:

— ...

Цзи Цинбай, сосредоточенно вышивавший кисет в Чертоге Юйлун, конечно же, ничего об этом не знал. На самом деле, он не стремился сделать что-то сложное, лишь хотел, чтобы стежки выглядели аккуратно. Поэтому, закончив работу, во время ужина он достал кисет.

Император опустил взгляд на совершенно пустой кисет — ни пёрышка, не говоря уже об узоре утки-мандаринки — и ничего не сказал.

Цзи Цинбай решил, что тот пренебрегает им, и смущённо произнёс:

— Выглядит некрасиво, но это хорошая вещь. Ваше Величество обязательно должны носить её.

Тань Чжан сидел неподвижно, лишь раздвинул ноги и сказал:

— Надень на Нас.

Цзи Цинбай радостно присел на корточки и привязал кисет к его поясному ремню. Подумав, что этого недостаточно, он наложил на него заклинание для верности.

Сейчас он всё ещё был в облике Цзи Юй, и, вспомнив прошлую ночь с императором, снова не удержался и решил проверить. Тогда зло взяло верх над смелостью, и, движимый

необъяснимым побуждением, он протянул руку и потрогал того.

Тань Чжан:

— ...

Цзи Цинбай высунул лицо из-под стола, запрокинул голову и, боясь, что его услышат другие, серьёзно спросил шёпотом:

— Ваше Величество, правда ничего не чувствуете?

Тань Чжан прищурился. Возможно, разъярённый до предела, он безжалостно схватил Цзи Цинбая за волосы на затылке, оглядел слуг вокруг и сквозь зубы приказал:

— Все, вон!

Цзэн Дэ, обладая великой проницательностью, немедленно выпроводил всех, один за другим, оставив наедине любящих императора и императрицу.

Цзи Цинбаю было больно от хватки за голову, когда над ним раздался холодный голос императора:

— Вернись обратно.

Стиснув зубы от боли, Цзи Цинбай с неохотой вернулся к своему мужскому облику. Тань Чжан наконец ослабил хватку и приподнял его.

— Кто позволил тебе трогать как попало? — Тань Чжан протянул руку, сжал подбородок Цзи Цинбая и пристально посмотрел ему в лицо.

Цзи Цинбаю пришлось сказать правду:

— Я боялся, что у Вашего Величества не получится...

<http://bllate.org/book/15582/1387591>